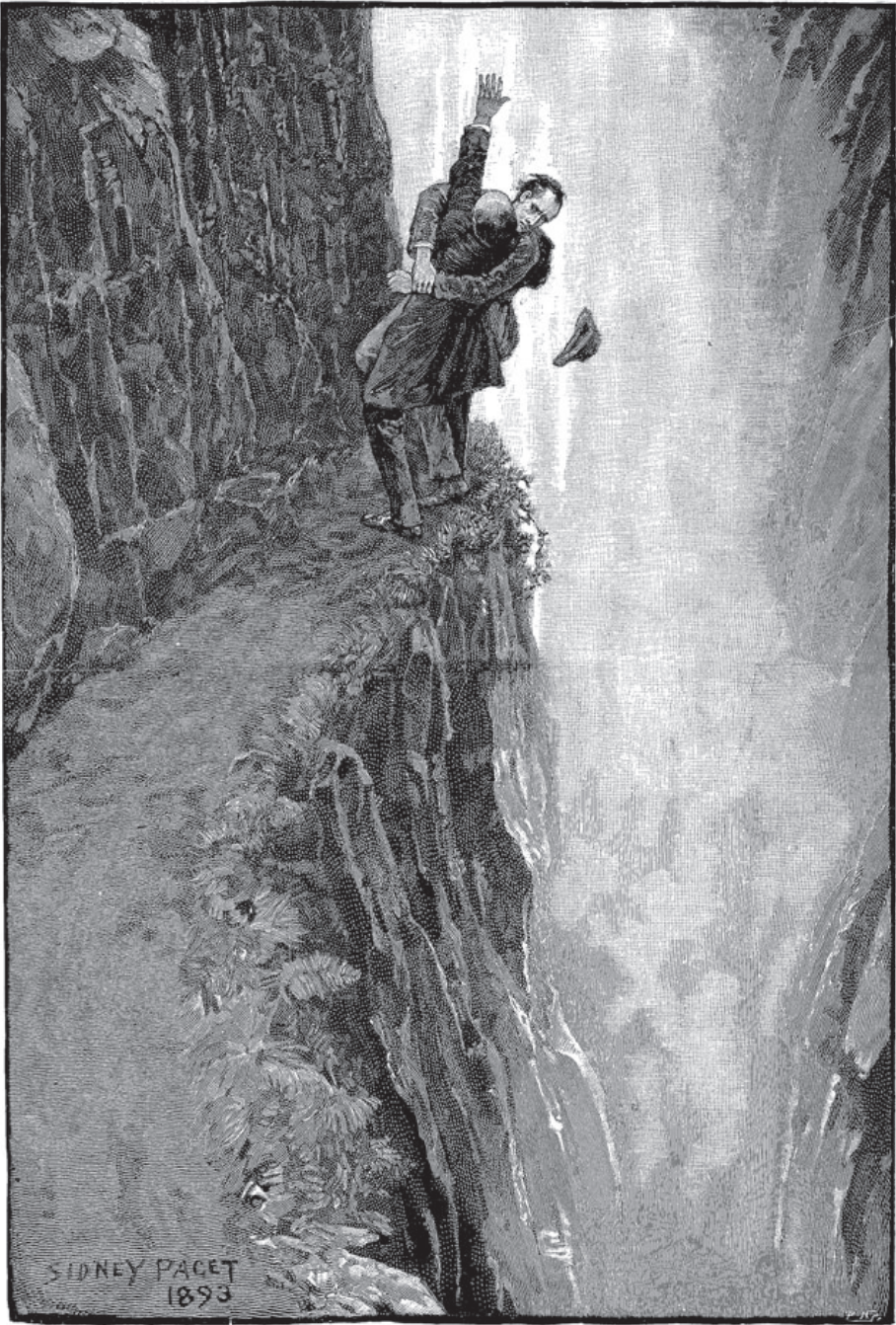

БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

АРТУР КОНАНДОЙЛ

Записки о
Шерлоке Холмсе

97 иллюстраций
Сидни Пэйджета

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2015

УДК 821.161.1
ББК 84 (4Вел.)
Д62

Arthur Conan Doyle
The Memoirs of Sherlock Holmes

Перевод с английского

Рисунок на переплете
С. Бабкиной

Дойл, Артур Конан
Д62 Записки о Шерлоке Холмсе. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИ-
ГА», 2015. — 302 с.: ил. — (Большая иллюстрированная серия).

ISBN 978-5-9922-1967-8

Более 100 лет мир читает произведения о Шерлоке Холмсе. Слава этого героя затмила всех известных персонажей мировой литературы.

Настоящий том включает сборник рассказов о знаменитом сыщике — «Записки о Шерлоке Холмсе» (1892–1893), среди которых «Обряд дома Месгрейвов», «Горбун», «Морской договор», «Желтое лицо», а также рассказ «Последнее дело Холмса», в котором Шерлок Холмс вступает в смертельную схватку с главой лондонского преступного мира профессором Мориарти у Рейхенбахского водопада.

В настоящем издании воспроизводятся все 97 иллюстраций известного британского художника Сидни Пэйджета, выполненные им для журнала «Стрэнд».

УДК 821.161.1
ББК 84 (4Вел.)

© Перевод К. Савельева
© Перевод В. Бабкова
© Перевод В. Ашкенази
© Перевод Н. Вольпин. Наследники
© Перевод Ю. Жуковой
© Перевод Д. Лившиц. Наследники
© Перевод Г. Любимовой. Наследники
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-1967-8

СЕРЕБРЯНЫЙ

— Боюсь, Уотсон, что мне придется ехать, — сказал как-то за завтраком Холмс.

— Ехать? Куда?

— В Дартмур, в Кингс-Пайленд.

Я не удивился. Меня куда больше удивляло, что Холмс до сих пор не принимает участия в расследовании этого из ряда вон выходящего дела, о котором говорила вся Англия. Весь вчерашний день мой приятель ходил по комнате из угла в угол, сдвинув брови и низко опустив голову, то и дело набивая трубку крепчайшим черным табаком и оставаясь абсолютно глухим ко всем моим вопросам и замечаниям. Свежие номера газет, присылаемые нашим почтовым агентом, Холмс бегло просматривал и бросал в угол. И все-таки, несмотря на его молчание, я знал, что занимает его. В настоящее время в центре внимания публики было только одно, что могло бы дать достаточно пищи его аналитическому уму, — таинственное исчезновение фаворита, который должен был участвовать в скачках на кубок Уэссекса, и трагическое убийство его тренера. И когда Холмс вдруг объявил мне о своем намерении ехать в Кингс-Пайленд, то есть туда, где разыгралась трагедия, то я ничуть не удивился — я ждал этого.

— Я был бы счастлив поехать с вами, если, конечно, не буду помехой, — сказал я.

— Мой дорогой Уотсон, вы сослужите мне большую службу, если поедете. И я уверен, что вы не даром потратите время, ибо случай этот, судя по тому, что уже известно, обещает быть исключительно интересным. Едем сейчас в Паддингтон, мы еще успеем на ближайший поезд. По дороге я расскажу вам подробности. Да, захватите, пожалуйста, ваш превосходный полевой бинокль, он может пригодиться.

Вот так и случилось, что спустя час после нашего разговора мы уже сидели в купе первого класса, и поезд мчал нас в направлении Эксетера. Худое сосредоточенное лицо моего друга в надвинутом на лоб дорожном картузе склонилось над пачкой свежих газет, которыми он запаса в киоске на Паддингтонском вокзале. Наконец — Рединг к тому времени остался уже далеко позади — он сунул последнюю газету под сиденье и протянул мне портсигар.

— А мы хорошо едем, — заметил он, взглядывая то на часы, то в окно. — Делаем пятьдесят три с половиной мили в час.

— Я не заметил ни одного дистанционного столбика.

— И я тоже. Но расстояние между телеграфными столбами по этой дороге шестьдесят ярдов, так что высчитать скорость ничего не стоит. Вам, конечно, известны подробности об убийстве Джона Стрэкера и исчезновении Серебряного?

— Только те, о которых сообщалось в «Телеграф» и в «Кроникл».

— Это один из случаев, когда искусство логически мыслить должно быть использовано для тщательного анализа и отбора уже известных фактов, а не для поисков новых. Трагедия, с которой мы столкнулись, так загадочна и необычна и связана с судьбами стольких людей, что полиция буквально погибает от обилия версий, догадок и предположений. Трудность в том, чтобы выделить из массы измышлений и домыслов досужих толкователей и репортеров несомненные, непреложные факты. Установив исходные факты, мы начнем строить, основываясь на них, нашу теорию и попытаемся определить, какие моменты в данном деле можно считать узловыми. Во вторник вечером я получил две телеграммы — от хозяина Серебряного полковника Росса и от инспектора Грегори, которому поручено дело. Оба просят моей помощи.

— Во вторник вечером! — воскликнул я. — А сейчас уже четверг. Почему вы не поехали туда вчера?

— Я допустил ошибку, милый Уотсон. Боюсь, со мной это случается гораздо чаще, чем думают люди, знающие меня только по вашим запискам. Я просто не мог поверить, что лучшего скакуна Англии можно скрывать так долго, да еще в таком пустынном краю, как Северный Дартмур. Вчера я с часу на час ждал сообщения, что лошадь нашли и что ее похититель — убийца Джона Стрэкера. Но прошел день, прошла ночь, и единственное, что прибавилось к делу, — это арест молодого Фицроя Симпсона. Я понял, что пора действовать. И все-таки у меня такое ощущение, что вчерашний день не прошел зря.

Холмс стал излагать мне события...

— У вас уже есть версия?

— Нет, но я выделил самые существенные факты. Сейчас я вам изложу их. Ведь лучший способ добраться до сути дела — рассказать все его обстоятельства кому-то другому. К тому же вы вряд ли сможете мне помочь, если не будете знать, чем мы сейчас располагаем.

Я откинулся на подушки, дымя сигарой, а Холмс, подавшись вперед и чертя для наглядности по ладони тонким длинным пальцем, стал излагать мне события, заставившие нас предпринять это путешествие.

— Серебряный, — начал он, — сын Самоцвета и Отрады и ничем не уступает своему знаменитому отцу. Сейчас ему пять лет. Вот уже три года как его счастливому обладателю, полковнику Россу, достаются на скачках все призы. Когда произошло несчастье, Серебряный считался первым фаворитом скачек на кубок Уэссекса; ставки на него заключа-

лись три к одному. Он был любимец публики и еще ни разу не подводил своих почитателей. Даже если с ним бежали лучшие лошади Англии, на него всегда ставили огромные суммы. Понятно поэтому, что есть много людей, в интересах которых не допустить появления Серебряного у флага и в будущий вторник. Это, конечно, прекрасно понимали в Кингс-Пайленде, где находится тренировочная конюшня полковника Росса. Фаворита строжайше охраняли. Его тренером был Джон Стрэкер, прослуживший у полковника двенадцать лет, из которых пять лет он был жокеем, пока не стал слишком тяжел для положенного веса. Обязанности свои он всегда выполнял образцово и был преданным слугой. У него было трое помощников, потому что конюшня маленькая — всего четыре лошади. Ночью один конюх дежурил в конюшне, а другие спали на сеновале. Все трое — абсолютно надежные парни. Джон Стрэкер жил с женой в небольшом коттедже, ярдах в двухстах от конюшни. Платил ему полковник хорошо, детей у них нет, убирает в доме и стирает служанка. Местность вокруг Кингс-Пайленда пустынная, только к северу на расстоянии полумили каким-то подрядчиком из Тависток выстроено несколько вилл для больных и вообще желающих подышать целебным дартмурским воздухом. Сам Тависток находится на западе, до него две мили, а по другую сторону равнины, тоже на расстоянии двух миль, расположен Кейплтон — усадьба лорда Бэкуотера, где также имеется конюшня. Лошадей там больше, чем в Кингс-Пайленде; управляющим служит Сайлес Браун. Вокруг на много миль тянутся поросшие кустарником пустоши, совершенно необитаемые, если не считать цыган, которые время от времени забредают сюда. Вот обстановка, в которой в ночь с понедельника на вторник разыгралась драма.

Накануне вечером, как обычно, лошадей тренировали и купали, а в девять часов конюшню заперли. Двое конюхов пошли в домик тренера, где их в кухне накормили ужином, а третий — Нэд Хантер — остался дежурить в конюшне. В начале десятого служанка — ее зовут Эдит Бакстер — понесла ему ужин — баранину с чесночным соусом. Никакого питья она не взяла, потому что в конюшне имеется кран, а пить что-нибудь, кроме воды, ночному сторожу не разрешается. Девушка зажгла фонарь, — уже совсем стемнело, а тропинка к конюшне шла сквозь заросли дрока. Ярдах в тридцати от конюшни перед Эдит Бакстер возник из темноты человек и крикнул, чтобы она подождала. В желтом свете фонаря она увидела мужчину — по виду явно джентльмена — в сером

...перед Эдит Бакстер возник из темноты человек...

твидовом костюме и фуражке, в гетрах и с тяжелой тростью в руках. Он был очень бледен и сильно нервничал. Лет ему, она решила, тридцать — тридцать пять.

— Вы не скажете мне, где я нахожусь? — спросил он девушку. — Я уж решил, что придется ночевать в поле, и вдруг увидел свет вашего фонаря.

— Вы в Кингс-Пайленде, возле конюшни полковника Росса, — отвечала ему девушка.

— Неужели? Какая удача! — воскликнул он. — Один из конюхов, кажется, всегда ночует в конюшне, да? А вы, наверное, несете ему ужин? Вы ведь не такая гордая, правда, и не откажетесь от нового платья?

Он вынул из кармана сложенный листок бумаги.

— Передайте это сейчас конюху, и у вас будет самое нарядное платье, какое только можно купить за деньги.

Волнение незнакомца испугало девушку, она бросилась к оконцу, через которое всегда подавала конюху ужин. Оно было уже открыто, Хантер сидел возле за столиком. Только служанка открыла рот, чтобы рассказать ему о случившемся, как незнакомец снова оказался рядом.

— Добрый вечер, — проговорил он, заглядывая в окошко. — У меня к вам дело.

Девушка клянется, что, произнося эти слова, он сжимал в руке какую-то бумажку.

— Какое у вас ко мне может быть дело? — сердито спросил конюх.

— Дело, от которого и вам может кое-что перепасть. Две ваши лошади, Серебряный и Баярд, участвуют в скачках на кубок Уэссекса. Ответьте мне на несколько вопросов, и я не останусь в долгу. Правда, что вес, который несет Баярд, позволяет ему обойти Серебряного на сто ярдов в забеге на пять ферлонгов и что вы сами ставите на него?

— Ах, вот вы кто! — закричал конюх. — Сейчас я покажу вам, как мы встречаем шпионов!

Он побежал спустить собаку. Служанка бросилась к дому, но на бегу оглянулась и увидела, что незнакомец просунул голову в окошко. Когда через минуту Хантер выскочил из конюшни с собакой, то его уже не было, и хотя они обежали все здания и пристройки, никаких следов не обнаружили.

— Стойте! — перебил я Холмса. — Когда конюх выбежал с собакой во двор, он оставил дверь конюшни открытой?

— Прекрасно, Уотсон, прекрасно! — улыбнулся мой друг. — Это обстоятельство показалось мне столь существенным, что я вчера даже запросил об этом Дартмур телеграммой. Так вот, дверь конюх запер. А окошко, оказывается, очень узкое, человек сквозь него не пролезет. Когда другие конюхи вернулись после ужина, Хантер послал одного рассказать обо всем тренеру. Стрэкер встревожился, но большого значения случившемуся как будто не придал. Впрочем, смутная тревога все-таки не оставляла его, потому что, проснувшись в час ночи, миссис Стрэкер увидела, что муж одевается. Он объяснил ей, что беспокоится за лошадей и

хочет посмотреть, все ли в порядке. Она умоляла его не ходить, потому что начался дождь, — она слышала, как он стучит в окно, — но Стрэкер накинул плащ и ушел. Миссис Стрэкер проснулась снова в семь утра. Муж еще не возвращался. Она поспешно оделась, кликнула служанку и пошла в конюшню. Дверь была открыта, Хантер сидел, уронив голову на стол, в состоянии полного беспомыслия, дневник фаворита был пуст, нигде никаких следов тренера. Немедленно разбудили ночевавших на сеновале конюхов. Ребята они молодые, спят крепко, ночью никто ничего не слышал. Хантер был, по всей видимости, под действием какого-то очень сильного наркотика. Так как толку от него добиться было нельзя, обе женщины оставили его отсыпаться, а сами, вместе с конюхами, побежали искать пропавших. Они все еще надеялись, что тренер из каких-то соображений вывел жеребца на раннюю прогулку. Поднявшись на бугор за коттеджем, откуда было хорошо видно кругом, они не заметили никаких следов фаворита, зато в глаза им бросилась одна вещь, от которой у них сжалось сердце в предчувствии беды.

Примерно в четверти мили от конюшни на куст дрока был брошен плащ Стрэкера, и ветерок трепал его полы. Подбежав к кусту, они увидели за ним небольшой овражек и на дне его труп несчастного тренера. Голова была разможжена каким-то тяжелым предметом, на бедре рана — длинный тонкий порез, нанесенный, без сомнения, чем-то

*...они увидели за кустом
небольшой овражек и на дне его
труп несчастного тренера.*

чрезвычайно острым. Все говорило о том, что Стрэкер отчаянно защищался, потому что его правая рука сжимала маленький нож, по самую рукоятку в крови, а левая — красный с черным шелковый галстук, тот самый галстук, который, по словам служанки, был на незнакомце, появившемся накануне вечером у конюшни. Очнувшись, Хантер подтвердил, что это галстук незнакомца. Он также не сомневался, что незнакомец подсыпал ему что-то в баранину, когда стоял у окна, и в результате конюшня осталась без сторожа. Что касается пропавшего Серебряного, то многочисленные следы в грязи, покрывавшей дно роковой впадины, указывали на то, что он был тут во время борьбы. Но затем он исчез. И хотя за сведения о нем полковник Росс предлагает огромное вознаграждение и все кочующие по Дартмуру цыгане допрошены, до сих пор о Серебряном нет ни слуху ни духу. И наконец, вот еще что: анализ остатков ужина Хантера показал, что в еду была подсыпана большая доза опиума, между тем все остальные обитатели Кингс-Пайленда ели в тот вечер то же самое блюдо, и ничего дурного с ними не произошло. Вот основные факты, очищенные от наслоения домыслов и догадок, которыми обросло дело. Теперь я расскажу вам, какие шаги предприняла полиция. Инспектор Грегори, которому поручено дело, — человек энергичный. Одари его природа еще и воображением, он мог бы достичь вершин сысского искусства. Прибыв на место происшествия, он очень быстро нашел и арестовал человека, на которого, естественно, падало подозрение. Найти его не составило большого труда, потому что он был хорошо известен в округе. Имя его — Фицрой Симпсон. Он хорошего рода, получил прекрасное образование, но все свое состояние проиграл на скачках. Последнее время жил тем, что мирно занимался букмекерством в спортивных лондонских клубах. В его записной книжке обнаружили несколько пари до пяти тысяч фунтов против фаворита. Когда его арестовали, он признался, что приехал в Дартмур в надежде раздобыть сведения о лошадях Кингс-Пайленда и о втором фаворите, жеребце Бронзовом, находящемся на попечении Сайлеса Брауна в кейплтонской конюшне. Он и не пытался отрицать, что в понедельник вечером был в Кингс-Пайленде, однако уверяет, что ничего дурного не замышлял, хотел только получить сведения из первых рук. Когда ему показали галстук, он сильно побледнел и совершенно не мог объяснить, как галстук оказался в руке убитого. Мокрая одежда Симпсона доказывала, что ночью он попал под дождь, а его суковатая трость со свинцовым набалдашником вполне могла быть тем самым оружием, которым тренеру были нанесены

эти ужасные раны. С другой стороны, на нем самом нет ни царапины, а ведь окровавленный нож Стрэкера — неопровержимое доказательство, что по крайней мере один из нападавших на него бандитов пострадал. Вот, собственно, и все, и если вы сможете мне помочь, Уотсон, я буду вам очень признателен.

Я с огромным интересом слушал Холмса, изложившего мне обстоятельства этого дела со свойственной ему ясностью и последовательностью. Хотя все факты были мне уже известны, я не мог установить между ними ни связи, ни зависимости.

— А не может ли быть, — предположил я, — что Стрэкер сам нанес себе рану во время конвульсий, которыми сопровождается повреждение лобных долей головного мозга.

— Вполне возможно, — сказал Холмс. — Если так, то обвиняемый лишается одной из главных улик, свидетельствующих в его пользу.

— И все-таки, — продолжал я, — я никак не могу понять гипотезу полиции.

— Боюсь, в этом случае против любой гипотезы можно найти очень веские возражения. Насколько я понимаю, полиция считает, что Фицрой Симпсон подсыпал опиум в ужин Хантера, отпер конюшню ключом, который он где-то раздобыл, и увел жеребца, намереваясь, по всей видимости, похитить его. Уздечки в конюшне не нашли — Симпсон, вероятно, надел ее на лошадь. Оставив дверь незапертой, он повел ее по тропинке через пустошь, и тут его встретил или догнал тренер. Началась драка, Симпсон проломил тренеру череп тростью, сам же не получил и царапины от ножичка Стрэкера, которым тот пытался защищаться. Потом вор увел лошадь и где-то спрятал ее, или, может быть, лошадь убежала, пока они дрались, и теперь бродит где-то по пустоши. Вот как представляет происшедшее полиция, и, как ни маловероятна эта версия, все остальные кажутся мне еще менее вероятными. Как только мы прибудем в Дартмур, я проверю ее, — иного способа сдвинуться с мертвой точки я не вижу.

Начинало вечереть, когда мы подъехали к Тавистоку — маленькому городку, торчащему, как яблоко на шите, в самом центре обширного Дартмурского плоскогорья. На платформе нас встретили высокий блондин с львиной гривой, пышной бородой и острым взглядом голубых глаз и невысокий, элегантно одетый джентльмен, энергичный, с небольшими холеными баками и моноклем. Это были инспектор Грегори, чье имя приобретало все большую известность в Англии, и знаменитый спортсмен и охотник полковник Росс.

— Я очень рад, что вы приехали, мистер Холмс, — сказал полковник, здороваясь. — Инспектор сделал все возможное, но, чтобы отомстить за гибель несчастного Стрэкера и найти Серебряного, я хочу сделать и невозможное.

— Есть какие-нибудь новости? — спросил Холмс.

— Увы, результаты расследования пока оставляют желать лучшего, — сказал инспектор. — Вы, конечно, хотите поскорее увидеть место происшествия. Поэтому едем, пока не стемнело, поговорим по дороге. Коляска нас ждет.

Через минуту удобное, изящное ландо катило нас по улицам старинного живописного городка. Инспектор Грегори с увлечением делился с Холмсом своими мыслями и соображениями; Холмс молчал, время от времени задавая ему вопросы. Полковник Росс в разговоре участия не принимал, он сидел, откинувшись на спинку сиденья, скрестив руки на груди и надвинув шляпу на лоб. Я с интересом прислушивался к разговору двух детективов: версию, которую излагал сейчас Грегори, я уже слышал от Холмса в поезде.

— Петля вот-вот затянется вокруг шеи Фицроя Симпсона, — заключил Грегори. — Я лично считаю, что преступник он. С другой стороны, нельзя не признать, что все улики против него косвенные и что новые факты могут опровергнуть наши выводы.

— А нож Стрэкера?

— Мы склонились к выводу, что Стрэкер сам себя ранил, падая.

— Мой друг Уотсон высказал такое же предположение по пути сюда. Если так, это обстоятельство оборачивается против Симпсона.

— Разумеется. У него не нашли ни ножа, ни хотя бы самой пустяковой царапины на теле. Но улики против него, конечно, очень сильные. Он был в высшей степени заинтересован в исчезновении фаворита; никто, кроме него, не мог отравить конюха, ночью он попал где-то под сильный дождь, он был вооружен тяжелой тростью, и, наконец, его галстук был зажат в руке покойного. Улик, по-моему, достаточно, чтобы начать процесс.

Холмс покачал головой.

— Неглупый защитник не оставит от доводов обвинения камня на камне, — заметил он. — Зачем Симпсону нужно было выводить лошадь из конюшни? Если он хотел что-то с ней сделать, почему не сделал этого там? А ключ — разве у него нашли ключ? В какой аптеке продали ему порошок опиума? И наконец, где Симпсон, человек, впервые попавший в Дартмур, мог спрятать лошадь, да еще такую, как Серебряный?

— Я очень рад, что вы приехали, мистер Холмс...

Кстати, что он говорит о бумажке, которую просил служанку передать конюху?

— Говорит, это была банкнота в десять фунтов. В его кошельке действительно такую банкноту нашли. Что касается всех остальных ваших вопросов, ответить на них вовсе не так сложно, как вам кажется. Симпсон в этих краях не впервые — летом он дважды приезжал в Тависток. Опиум он скорее всего привез из Лондона. Ключ, отперев конюшню, выкинул. А лошадь, возможно, лежит мертвая в одной из заброшенных шахт.

— Что он сказал о галстукe?

— Признался, что галстук его, но твердит, что потерял его где-то в тот вечер. Но тут выяснилось еще одно обстоятельство, которое как раз и может объяснить, почему он увел лошадь из конюшни.

Холмс насторожился.

— Мы установили, что примерно в миле от места убийства ночевал в ночь с понедельника на вторник табор цыган. Утром они снялись и ушли. Так вот, если предположить, что у Симпсона с цыганами был сговор, то напрашивается вывод, что именно к ним он и вел коня, когда его повстречал тренер, и что сейчас Серебряный у них, не так ли?

— Вполне вероятно.

— Плоскогорье сейчас прочесывается в поисках этих цыган. Кроме того, я осмотрел все конюшни и сараи в радиусе десяти миль от Тавистока.

— Тут ведь поблизости есть еще одна конюшня, где содержат скаковых лошадей?

— Совершенно верно, и это обстоятельство ни в коем случае не следует упускать из виду. Поскольку их жеребец Беспечный — второй претендент на кубок Уэссекса, исчезновение фаворита было его владельцу тоже очень выгодно. Известно, что, во-первых, кейплтонский тренер Сайлес Браун заключил несколько крупных пари на этот забег и что, во-вторых, дружбы с беднягой Стрэкером он никогда не водил. Мы, конечно, осмотрели его конюшню, но не обнаружили ничего, указывающего на причастность кейплтонского тренера к преступлению.

— И ничего, указывающего на связь Симпсона с кейплтонской конюшней?

— Абсолютно ничего.

Холмс уселся поглубже, и разговор прервался. Через несколько минут экипаж наш остановился возле стоящего у дороги хорошенького домика из красного кирпича, с широким выступающим карнизом. За ним, по ту сторону загона, виднелось строение под серой черепичной крышей. Вокруг до самого горизонта тянулась волнистая равнина, буро-золотая от желтеющего папоротника, только далеко на юге подымались островерхие крыши Тавистока да к западу от нас стояло рядом несколько домиков кейплтонской конюшни. Мы все выпрыгнули из коляски, а Холмс так и остался сидеть, глядя прямо перед собой, поглощенный какими-то своими мыслями. Только когда я тронул его за локоть, он вздрогнул и стал вылезать.

— Простите меня, — обратился он к полковнику Россу, который глядел на моего друга с недоумением, — простите меня, я задумался.

По блеску его глаз и волнению, которое он старался скрыть, я догадался, что он близок к разгадке, хотя и не представлял себе хода его мыслей.

— Вы, наверное, хотите первым делом осмотреть место происшествия, мистер Холмс? — предположил Грегори.

— Мне хочется побыть сначала здесь и уточнить несколько деталей. Стрэкера потом принесли сюда, не так ли?

— Да, он лежит сейчас наверху.

— Он служил у вас несколько лет, полковник?

— Я всегда был им очень доволен.

— Карманы убитого, вероятно, осмотрели, инспектор?

— Все вещи в гостиной. Если хотите, можете взглянуть.

— Да, благодарю вас.

В гостиной мы сели вокруг стоящего посреди комнаты стола. Инспектор отпер сейф и разложил перед нами его содержимое: коробка восковых спичек, огарок свечи длиной в два дюйма, трубка из корня вереска, кожаный кисет и в нем пол-унции плиточного табаку, серебряные часы на золотой цепочке, пять золотых соверенов, алюминиевый наконечник для карандаша, какие-то бумаги, нож с ручкой из слоновой кости и очень тонким негнувшимся стальным лезвием, на котором стояла марка «Вайс и К°, Лондон».

— Очень интересный нож, — сказал Холмс, внимательно разглядывая его. — Судя по засохшей крови, это и есть тот самый нож, который нашли в руке убитого. Что вы о нем скажете, Уотсон? Такие ножи по вашей части.

— Это хирургический инструмент, так называемый катарактальный нож.

— Так я и думал. Тончайшее лезвие, предназначенное для тончайших операций. Не странно ли, что человек, отправляющийся защищаться от воров, захватил его с собой, — особенно если учесть, что нож не складывается?

— На кончик был надет кусочек пробки, мы его нашли возле трупа, — объяснил инспектор. — Жена Стрэкера говорит, нож лежал у них несколько дней на комодe, и, уходя ночью, Стрэкер взял его с собой. Оружие не ахти какое, но, вероятно, ничего другого у него под рукой в тот момент не было.

— Вполне возможно. Что это за бумаги?

— Три оплаченных счета за сено. Письмо полковника Росса с распоряжениями. А это счет на тридцать семь фунтов пятнадцать шил-

лингвов от портнихи, мадам Лезерье с Бондстрит, на имя Уильяма Дербишира. Миссис Стрэкер говорит, что Дербишир — приятель ее мужа и что время от времени письма для него приходили на их адрес.

— У миссис Дербишир весьма дорогие вкусы, — заметил Холмс, просматривая счет. — Двадцать две гиней за один туалет многовато. Ну что ж, тут как будто все, теперь отправимся на место преступления.

Мы вышли из гостиной, и в этот момент стоящая в коридоре женщина шагнула вперед и тронула инспектора за рукав. На ее бледном, худом лице лежал отпечаток пережитого ужаса.

— Нашли вы их? Поймали? — Голос ее сорвался.

— Пока нет, миссис Стрэкер. Но вот только что из Лондона приехал мистер Холмс, и мы надеемся с его помощью найти преступников.

— По-моему, мы с вами не так давно встречались, миссис Стрэкер, — помните, в Плимуте, на банкете? — спросил Холмс.

— Нет, сэр, вы ошибаетесь.

— В самом деле? А мне показалось, это были вы. На вас было стального цвета шелковое платье, отделанное страусовыми перьями.

— У меня никогда не было такого платья, сэр!

— А-а, значит, я обознался. — И, извинившись, Холмс последовал за инспектором во двор.

Несколько минут ходьбы по тропинке среди кустов привели нас к оврагу, в котором нашли труп. У края его рос куст дрока, на котором в то утро миссис Стрэкер и служанка заметили плащ убитого.

— Ветра в понедельник ночью не было, — сказал Холмс.

— Ветра — нет, но шел сильный дождь.

— В таком случае плащ не был заброшен ветром на куст, его кто-то положил туда.

— Да, он был аккуратно сложен.

— А знаете, это очень интересно! На земле много следов. Я вижу, с понедельника здесь побывало немало народу.

— Мы вставали только на рогожу. Она лежала вот здесь, сбоку.

— Превосходно.

— В этой сумке ботинок, который был в ту ночь на Стрэкере, ботинок Фицроя Симпсона и подкова Серебряного.

— Дорогой мой инспектор, вы превзошли самого себя!

Холмс взял сумку, спустился в яму и подвинул рогожу ближе к середине. Потом улегся на нее и, подперев руками подбородок, принялся внимательно изучать истоптанную глину.

— Нашли вы их? Поймали?

— Ага! — вдруг воскликнул он. — Это что?

Холмс держал в руках восковую свечку, покрытую таким слоем грязи, что с первого взгляда ее можно было принять за сучок.

— Не представляю, как я проглядел ее, — с досадой сказал инспектор.

— Ничего удивительного! Свечка была втоптана в землю. Я заметил ее только потому, что искал.

— Как! Вы знали, что найдете здесь свечку?

— Я не исключал такой возможности.

Холмс вытащил ботинки из сумки и стал сравнивать подошвы со следами на земле. Потом он выбрался из ямы и пополз, раздвигая кусты.

— Боюсь, больше никаких следов нет, — сказал инспектор. — Я все здесь осмотрел самым тщательным образом. В радиусе ста ярдов.

— Ну что ж, — сказал Холмс, — я не хочу быть невежливым и не стану еще раз все осматривать. Но мне бы хотелось, пока не стемнело, побродить немного по долине, чтобы лучше ориентироваться здесь завтра. Подкову я возьму себе в карман на счастье.

Полковник Росс, с некоторым нетерпением следивший за спокойными и методичными действиями Холмса, взглянул на часы.

— А вы, инспектор, пожалуйста, пойдите со мной. Я хочу с вами посоветоваться. Меня сейчас волнует, как быть со списками участников забега. По-моему, наш долг перед публикой — вычеркнуть оттуда имя Серебряного.

— Ни в коем случае! — решительно возразил Холмс. — Пусть остается.

Полковник поклонился.

— Я чрезвычайно благодарен вам за совет, сэр. Когда закончите свою прогулку, найдете нас в домике несчастного Стрэкера, и мы вместе вернемся в Тависток.

Они направились к дому, а мы с Холмсом медленно пошли вперед. Солнце стояло над самыми крышами кейплтонской конюшни; перед нами полого спускалась к западу равнина, то золотистая, то красновато-бурая от осенней ежевики и папоротника. Но Холмс, погруженный в глубокую задумчивость, не замечал прелести пейзажа.

— Вот что, Уотсон, — промолвил он наконец, — мы пока оставим вопрос, кто убил Стрэкера, и будем думать, что произошло с лошадью. Предположим, Серебряный в момент преступления или немного позже ускакал. Но куда? Лошадь очень привязана к человеку. Предоставленный самому себе, Серебряный мог вернуться в Кингс-Пайленд или убежать в Кейплтон. Что ему делать одному в поле? И уж, конечно, кто-нибудь да увидел бы его там. Теперь цыгане, — зачем им было красть его? Они чуть что прослышат — спешат улизнуть: полиции они боятся хуже чумы. Надежды продать такую лошадь, как Серебряный, у них нет. Украсть ее — большой риск, а выгоды — никакой. Это вне всякого сомнения.

— Где же тогда Серебряный?

— Я уже сказал, что он или вернулся в Кингс-Пайленд, или поскакал в Кейплтон. В Кингс-Пайленде его нет. Значит, он в Кейплтоне. Примем это за рабочую гипотезу и посмотрим, куда она нас приведет.

Земля здесь, как заметил инспектор, высохла и стала тверже камня, но местность слегка понижается к Кейплтону, и в той лощине ночью в понедельник, наверное, было очень сыро. Если наше предположение правильно, Серебряный скакал в этом направлении, и нам нужно искать его следы.

Беседуя, мы быстро шли вперед и через несколько минут спустились в лощину. Холмс попросил меня обойти ее справа, а сам взял левее, но не успел я сделать и пятидесяти шагов, как он закричал мне и замахал рукой. На мягкой глине у его ног виднелся отчетливый конский след. Холмс вынул из кармана подкову, которая как раз пришлась по отпечатку.

— Вот что значит воображение, — улыбнулся Холмс. — Единственное качество, которого недостает Грегори. Мы представили себе, что могло бы произойти, стали проверять предположение, и оно подтвердилось. Идем дальше.

Мы перешли хлюпающее под ногами дно лошкинки и с четверть мили шагали по сухому жесткому дерну. Снова начался небольшой уклон, и снова мы увидели следы, потом они исчезли и появились только через полмили, совсем близко от Кейплтона. Увидел их первым Холмс — он остановился и с торжеством указал на них рукой. Рядом с отпечатками копыт на земле виднелись следы человека.

— Сначала лошадь была одна! — вырвалось у меня.

— Совершенно верно, сначала лошадь была одна. Стойте! А это что?

Двойные следы человека и лошади резко повернули в сторону Кингс-Пайленда. Холмс свистнул. Мы пошли по следам. Он не поднимал глаз от земли, но я повернул голову вправо и с изумлением увидел, что эти же следы шли в обратном направлении.

— Один ноль в вашу пользу, Уотсон, — сказал Холмс, когда я указал ему на них, — теперь нам не придется делать крюк, который привел бы нас туда, где мы стоим. Пойдемте по обратному следу.

Нам не пришлось идти далеко. Следы кончились у асфальтовой дорожки, ведущей к воротам Кейплтона. Когда мы подошли к ним, нам навстречу выбежал конюх.

— Идите отсюда! — закричал он. — Нечего вам тут делать.

— Позвольте только задать вам один вопрос, — сказал Холмс, засовывая указательный и большой пальцы в карман жилета. — Если я приду завтра в пять часов утра повидать вашего хозяина мистера Сайлеса Брауна, это будет не слишком рано?

— Скажете тоже, «рано», сэр. Мой хозяин подымается ни свет ни заря. Да вот и он сам, поговорите с ним. Нет-нет, сэр, он прогонит меня, если увидит, что я беру у вас деньги. Лучше потом.

Только Шерлок Холмс опустил в карман полкроны, как из калитки выскочил немолодой мужчина свирепого вида с хлыстом в руке и закричал:

— Это что такое, Даусон? Сплетничаете, да? У вас дела, что ли, нет? А вы какого черта здесь шляетесь?

— Чтобы побеседовать с вами, дорогой мой сэр. Всего десять минут, — нежнейшим голосом проговорил Холмс.

— Некогда мне беседовать со всякими проходимцами! Здесь не место посторонним! Убирайтесь, а то я сейчас спущу на вас собаку.

Холмс нагнулся к его уху и что-то прошептал. Мистер Браун вздрогнул и покраснел до корней волос.

— Ложь! — закричал он. — Гнусная, наглая ложь!

— Отлично! Ну что же, будем обсуждать это прямо здесь, при всех, или вы предпочитаете пройти в дом?

— Ладно, идемте, если хотите.

Холмс улыбнулся:

— Я вернусь через пять минут, Уотсон. К вашим услугам, мистер Браун.

Вернулся он, положим, через двадцать пять минут, и, пока я его ждал, теплые краски вечера погасли. Тренер тоже вышел с Холмсом, и меня поразила происшедшая с ним перемена: лицо у него стало пепельно-серое, лоб покрылся каплями пота, хлыст прыгал в трясущихся руках. Куда девалась наглая самоуверенность этого человека! Он семенил за Холмсом, как побитая собака.

— Я все сделаю, как вы сказали, сэр. Все ваши указания будут выполнены, — повторял он.

— Вы знаете, чем грозит ослушание. — Холмс повернул к нему голову, и тот съехал под его взглядом.

— Что вы, что вы, сэр! Доставлю к сроку. Сделать все, как было раньше?

Холмс на минуту задумался, потом рассмеялся:

— Не надо, оставьте, как есть. Я вам напишу. И смотрите, без плутовства, иначе...

— О, верьте мне, сэр, верьте!

— Берегите как зеницу ока.

— Убирайтесь, а то я сейчас спущу на вас собаку.

— Да, сэр, можете на меня положиться, сэр.

— Думаю, что могу. Завтра получите от меня указания.

И Холмс отвернулся, не замечая протянутой ему дрожащей руки. Мы зашагали к Кингс-Пайленду.

— Такой великолепной смеси наглости, трусости и подлости, как у мистера Сайлеса Брауна, я давно не встречал, — сказал Холмс, устало шагая рядом со мной по склону.

— Значит, лошадь у него?

— Он сначала на дыбы взвился, отрицая все. Но я так подробно описал ему утро вторника, шаг за шагом, что он поверил, будто я все

видел собственными глазами. Вы, конечно, обратили внимание на необычные, как будто обрубленные носки у следов и на то, что на нем были именно такие ботинки. Кроме того, для простого слуги это был бы слишком дерзкий поступок... Я рассказал ему, как он, встав по обыкновению первым и войдя в загон, увидел в поле незнакомую лошадь, как он подошел к ней и, не веря собственным глазам, увидел у нее на лбу белую отметину, из-за которой она и получила свою кличку — Серебряный, и как сообразил, что судьба отдает в его руки единственного соперника той лошади, на которую он поставил большую сумму. Потом я рассказал ему, что первым его побуждением было отвести Серебряного в Кингс-Пайленд, но тут дьявол стал нашептывать ему, что так легко увести лошадь и спрятать, пока не кончатся скачки, и тогда он повернул к Кейплтону и укрыл ее там. Когда он все это услышал, он стал думать только о том, как спасти собственную шкуру.

— Да ведь конюшню осматривали!

— Ну, этот старый барышник обведет вокруг пальца кого угодно.

— А вы не боитесь оставлять лошадь в его руках? Он же с ней может что-нибудь сделать, ведь это в его интересах.

— Нет, мой друг, он в самом деле будет беречь ее как зеницу ока. В его интересах вернуть ее целой и невредимой. Это единственное, чем он может заслужить прощение.

— Полковник Росс не произвел на меня впечатления человека, склонного прощать врагам!

— Дело не в полковнике Россе. У меня свои методы, и я рассказываю ровно столько, сколько считаю нужным, — в этом преимущество моего неофициального положения. Не знаю, заметили ли вы или нет, Уотсон, но полковник держался со мной немного свысока, и мне хочется слегка позабавиться. Не говорите ему ничего о Серебряном.

— Конечно, не скажу, раз вы не хотите.

— Но все это пустяки по сравнению с вопросом, кто убил Джона Стрэкера.

— Вы сейчас им займетесь?

— Напротив, мой друг, мы с вами вернемся сегодня ночным поездом в Лондон.

Слова Холмса удивили меня. Мы пробыли в Дартмуре всего несколько часов, он так успешно начал распутывать клубок и вдруг хочет все бросить. Я ничего не понимал. До самого дома тренера мне не удалось

вытянуть из Холмса ни слова. Полковник с инспектором дожидались нас в гостиной.

— Мой друг и я возвращаемся ночным поездом в Лондон, — заявил Холмс. — Приятно было подышать прекрасным воздухом Дартмура.

Инспектор широко раскрыл глаза, а полковник скривил губы в презрительной усмешке.

— Значит, вы сложили оружие. Считаете, что убийцу несчастного Стрэкера арестовать невозможно, — сказал он.

— Боюсь, что это сопряжено с очень большими трудностями. — Холмс пожал плечами. — Но я совершенно убежден, что во вторник ваша лошадь будет бежать, и прошу вас предупредить жокея, чтобы он был готов. Могу я взглянуть на фотографию мистера Джона Стрэкера?

Инспектор извлек из кармана конверт и вынул оттуда фотографию.

— Дорогой Грегори, вы предупреждаете все мои желания! Если позволите, господа, я оставляю вас на минуту, мне нужно задать вопрос служанке Стрэкеров.

— Должен признаться, ваш лондонский советчик меня разочаровал, — с прямолинейной резкостью сказал полковник Росс, как только Холмс вышел из комнаты. — Не вижу, чтобы с его приезда дело подвинулось хоть на шаг.

— По крайней мере вам дали слово, что ваша лошадь будет бежать, — вмешался я.

— Слово-то мне дали, — пожал плечами полковник. — Я предпочел бы лошадь, а не слово.

Я открыл было рот, чтобы защитить своего друга, но в эту минуту он вернулся.

— Ну вот, господа, — заявил он. — Я готов ехать.

Один из конюхов отворил дверцу коляски. Холмс сел рядом со мной и вдруг перегнулся через борт и тронул конюха за рукав.

— У вас есть овцы, я вижу, — сказал он. — Кто за ними ходит?

— Я, сэр.

— Вы не замечали, с ними в последнее время ничего не случилось?

— Да нет, сэр, как будто ничего, только вот три начали хромать, сэр.

Холмс засмеялся, потирая руки, чем-то очень довольный.

— Неплохо придумано, Уотсон, очень неплохо! — Он незаметно подтолкнул меня локтем. — Грегори, позвольте рекомендовать вашему вниманию странную эпидемию, поразившую овец. Поехали.

Лицо полковника Росса по-прежнему отражало, какое невысокое мнение составил он о талантах моего друга, зато инспектор так и встре-пенулся.

— Вы считаете это обстоятельство важным? — спросил он.

— Чрезвычайно важным.

— Есть еще какие-то моменты, на которые вы посоветовали бы мне обратить внимание?

— На странное поведение собаки в ночь преступления.

— Собаки? Но она никак себя не вела!

— Это-то и странно, — сказал Холмс.

Четыре дня спустя мы с Холмсом снова сидели в поезде, мчащемся в Винчестер, где должен был разыгрываться кубок Уэссекса. Полковник Росс ждал нас, как и было условлено, в своем экипаже четверкой у вокзала на площади. Мы поехали за город, где был беговой круг. Полковник был мрачен, держался в высшей степени холодно.

— Никаких известий о моей лошади до сих пор нет, — заявил он.

— Надеюсь, вы ее узнаете, когда увидите?

Полковник вспылил:

— Я могу вам описать одну за другой всех лошадей, участвовавших в скачках за последние двадцать лет. Моего фаворита, с его отметиной на лбу и белым пятном на правой передней бабке, узнает каждый ребенок!

— А как ставки?

— Происходит что-то непонятное. Вчера ставили пятнадцать к одному, утром разрыв начал быстро сокращаться, не знаю, удержатся ли сейчас на трех к одному.

— Хм, — сказал Холмс, — сомнений нет, кто-то что-то пронюхал.

Коляска подъехала к ограде, окружающей главную трибуну. Я взял афишу и стал читать:

«ПРИЗ УЭССЕКСА

Жеребцы четырех и пяти лет. Дистанция 1 миля 5 ферлонгов. 50 фунтов подписных. Первый приз — 1000 фунтов. Второй приз — 300 фунтов. Третий приз — 200 фунтов.

1. Негр — владелец Хит Ньютон; наездник — красный шлем, песочный камзол.

2. Боксер — владелец полковник Уордлоу; наездник — оранжевый шлем, камзол васильковый, рукава черные.

Холмс засмеялся, потирая руки, чем-то очень довольный.

3. Беспечный — владелец лорд Бэкуотер; наездник — шлем и рукава камзола желтые.

4. Серебряный — владелец полковник Росс; наездник — шлем черный, камзол красный.

5. Хрусталь — владелец герцог Балморал; наездник — шлем желтый, камзол черный с желтыми полосами.

6. Озорник — владелец лорд Синглфорд; наездник — шлем фиолетовый, рукава камзола черные».

— Мы вычеркнули Баярда, нашу вторую лошадь, которая должна была бежать, полагаясь на ваш совет, — сказал полковник. — Но что это? Фаворит сегодня Серебряный?

— Серебряный — пять к четырем! — неслось с трибун. — Серебряный — пять к четырем! Беспечный — пятнадцать к пяти! Все остальные — пять к четырем!

— Лошади на старте! — закричал я. — Смотрите, все шесть!

— Все шесть! Значит, Серебряный бежит! — воскликнул полковник в сильнейшем волнении. — Но я не вижу его. Моих цветов пока нет.

— Вышло только пятеро. Вот, наверное, он, — сказал я, и в эту минуту из паaddocka крупной рысью выбежал великолепный гнедой жеребец и пронесся мимо нас. На наезднике были цвета полковника, известные всей Англии.

— Это не моя лошадь! — закричал полковник Росс. — На ней нет ни единого белого пятнышка! Объясните, что происходит, мистер Холмс!

— Посмотрим, как он возьмет, — невозмутимо сказал Холмс. Несколько минут он не отводил бинокля от глаз... — Прекрасно! Превосходный старт! — вдруг воскликнул он. — Вот они, смотрите, поворачивают!

Из коляски нам было хорошо видно, как лошади вышли на прямой участок круга. Они шли так кучно, что всех их, казалось, можно накрыть одной попоной, но вот на половине прямой желтый цвет лорда Бэкуотера вырвался вперед. Однако ярдах в тридцати от того места, где стояли мы, жеребец полковника обошел Беспечного и оказалась у финиша на целых шесть корпусов впереди. Хрусталь герцога Балморала с большим отрывом пришел третьим.

— Как бы там ни было, кубок мой, — прошептал полковник, проводя ладонью по глазам. — Убейте меня, если я хоть что-нибудь понимаю. Вам не кажется, мистер Холмс, что вы уже достаточно долго мистифицируете меня?

— Вы правы, полковник. Сейчас вы все узнаете. Пойдемте поглядим на лошадь все вместе. Вот он, — продолжал Холмс, входя в паaddock, куда впускали только владельцев лошадей и их друзей. — Стоит лишь потереть ему лоб и бабку спиртом, — и вы узнаете Серебряного.

— Что?!

— Ваша лошадь попала в руки мошенника, я нашел ее и взял на себя смелость выпустить на поле в том виде, как ее сюда доставили.

— Дорогой сэръ, вы совершили чудо! Лошадь в великолепной форме. Никогда в жизни она не шла так хорошо, как сегодня. Приношу вам тысячу извинений за то, что усомнился в вас. Вы оказали мне величайшую услугу, вернув жеребца. Еще большую услугу вы мне окажете, если найдете убийцу Джона Стрэкера.

— Я его нашел, — спокойно сказал Холмс.

Полковник и я в изумлении раскрыли глаза.

— Нашли убийцу! Так где же он?

— Он здесь.

— Здесь! Где же?!

— В настоящую минуту я имею честь находиться в его обществе.

Полковник вспыхнул.

— Я понимаю, мистер Холмс, что многим обязан вам, но эти слова я могу воспринять только как чрезвычайно неудачную шутку или как оскорбление.

Холмс расхохотался.

— Ну что вы, полковник, у меня и в мыслях не было, что вы причастны к преступлению! Убийца собственной персоной стоит у вас за спиной.

Он шагнул вперед и положил руку на лоснящуюся холку скакуна.

— Убийца — лошадь! — в один голос вырвалось у нас с полковником.

— Да, лошадь. Но вину Серебряного смягчает то, что он совершил убийство из самозащиты и что Джон Стрэкер был совершенно недостоин вашего доверия... Но я слышу звонок. Отложим подробный рассказ до более подходящего момента. В следующем забеге я надеюсь немного выиграть.

Возвращаясь вечером того дня домой в купе пульмановского вагона, мы не заметили, как поезд привез нас в Лондон, — с таким интересом слушали мы с полковником рассказ о том, что произошло в дартмурских конюшнях в понедельник ночью и как Холмс разгадал тайну.

— Должен признаться, — говорил Холмс, — что все версии, которые я составил на основании газетных сообщений, оказались ошибочными. А ведь можно было даже исходя из них нащупать вехи, если бы не ворох подробностей, которые газеты спешили обрушить на головы читателей. Я приехал в Девоншир с уверенностью, что преступник — Фицрой Симпсон, хоть и понимал, что улики против него очень неубедительны. Только когда мы подъехали к домику Стрэкера, я осознал важность того обстоятельства, что на ужин в тот вечер была баранина под чесночным соусом. Вы, вероятно, помните мою рассеянность — все вышли из коляски, а я продолжал сидеть, ничего не замечая. Так я был поражен, что чуть было не прошел мимо столь очевидной улики.

— Признаться, — прервал его полковник, — я и сейчас не понимаю, при чем здесь эта баранина.

Холмс шагнул вперед и положил руку на лоснящуюся холку скакуна.

— Она была первым звеном в цепочке моих рассуждений. Порошок опиума вовсе не безвкусен, а запах его не то чтобы неприятен, но достаточно силен. Если его подсыпать в пищу, человек сразу почувствует и скорее всего есть не станет. Чесночный соус — именно то, что может заглушить запах опиума. Вряд ли можно найти какую-нибудь зависимость между появлением Фицроя Симпсона в тех краях именно в тот вечер с бараниной под чесночным соусом на ужин в семействе Стрэкеров. Остается предположить, что он случайно захватил с со-

бой в тот вечер порошок опиума. Но такая случайность относится уже к области чудес. Так что этот вариант исключен. Значит, Симпсон оказывается вне подозрений, но зато в центр внимания попадают Стрэкер и его жена — единственные люди, кто мог выбрать на ужин баранину с чесноком. Опиум подсыпали конюху прямо в тарелку, потому что все остальные обитатели Кингс-Пайленда ели то же самое блюдо без всяких последствий. Кто-то всыпал опиум, пока служанка не видела. Кто же? Тогда я вспомнил, что собака молчала в ту ночь. Как вы догадываетесь, эти два обстоятельства теснейшим образом связаны. Из рассказа о появлении Фицроя Симпсона в Кингс-Пайленде явствовало, что в конюшне есть собака, но она почему-то не залаяла и не разбудила спящих на сеновале конюхов, когда в конюшню кто-то вошел и увел лошадь. Несомненно, собака хорошо знала ночного гостя. Я уже был уверен — или, если хотите, почти уверен, — что ночью в конюшню вошел и увел Серебряного Джон Стрэкер. Но какая у него была цель? Явно бесчестная, иначе зачем ему было усыплять собственного помощника? Однако что он задумал? Этого я еще не понимал. Известно немало случаев, когда тренеры ставят большие суммы против своих же лошадей через подставных лиц и с помощью какого-нибудь мошенничества не дают им выиграть. Иногда они подкупают жокея, и тот придерживает лошадь, иногда прибегают к более хитрым и верным приемам. Что хотел сделать Стрэкер? Я надеялся, что содержимое его карманов поможет в этом разобраться. Так и случилось. Вы помните, конечно, тот странный нож, который нашли в руке убитого, нож, которым человек, находясь в здравом уме, никогда бы не воспользовался в качестве оружия, будь то для защиты или для нападения. Это был, как подтвердил наш доктор Уотсон, хирургический инструмент для очень тонких операций. В ту ночь им и должны были проделать одну из таких операций. Вы, разумеется, полковник, знаете — ведь вы опытный лошажник, — что можно проколоть сухожилие на ноге лошади так искусно, что на коже не останется никаких следов. Лошадь после такой операции будет слегка хромать, а все припишут хромоту ревматизму или чрезмерным тренировкам, но никому и в голову не придет заподозрить здесь чей-то злой умысел.

— Негодяй! Мерзавец! — вскричал полковник.

— Почувствовав укол ножа, такой горячий жеребец, как Серебряный, взвился бы и разбудил своим криком и мертвого. Нужно было

проделать операцию подальше от людей, вот почему Джон Стрэкер и увел Серебряного в поле.

— Я был слеп как крот! — горячился полковник. — Ну конечно, для того-то ему и понадобилась свеча, для того-то он и зажигал спичку.

— Несомненно. А осмотр его вещей помог мне установить не только способ, которым он намеревался совершить преступление, но и причины, толкнувшие его на это. Вы, полковник, как человек, хорошо знающий жизнь, согласитесь со мной, что довольно странно носить у себя в бумажнике чужие счета. У всех нас хватает собственных забот. Из этого я заключил, что Стрэкер вел двойную жизнь. Счет показал, что в деле замешана женщина, вкусы которой требуют денег. Как ни щедро вы платите своим слугам, полковник, трудно представить, чтобы они могли платить по двадцать гиней за туалет своей любовницы. Я незаметно расспросил миссис Стрэкер об этом платье и, удостоверившись, что она его в глаза не видела, записал адрес портнихи. Я был уверен, что, когда покажу ей фотографию Стрэкера, таинственный Дербишир развеется как дым. Теперь уже клубок стал разматываться легко. Стрэкер завел лошадь в овраг, чтобы огня свечи не было видно. Симпсон, убегая, потерял галстук, Стрэкер увидел его и для чего-то подобрал, может быть, хотел завязать лошади ногу. Спустившись в овраг, он чиркнул спичкой за крупом лошади, но, испуганное внезапной вспышкой, животное, почувствовавшее к тому же опасность, рванулось прочь и случайно ударило Стрэкера копытом в лоб. Стрэкер, несмотря на дождь, уже успел снять плащ — операция ведь предстояла тонкая. Падая от удара, он поранил себе бедро. Мой рассказ убедителен?

— Невероятно! — воскликнул полковник. — Просто невероятно! Вы как будто все видели собственными глазами!

— И последнее, чтобы поставить все точки над *i*. Мне пришло в голову, что такой осторожный человек, как Стрэкер, не взялся бы за столь сложную операцию, как прокол сухожилия, не попрактиковавшись предварительно. На ком он мог практиковаться в Кингс-Пайленде? Я увидел овец в загоне, спросил конюха, не случалось ли с ними чего в последнее время. Его ответ в точности подтвердил мое предположение. Я даже сам удивился.

— Теперь я понял все до конца, мистер Холмс!

— В Лондоне я зашел к портнихе и показал ей фотографию Стрэкера. Она сразу же узнала его, сказала, что это один из ее постоянных

СЕРЕБРЯНЫЙ

клиентов и зовут его мистер Дербишир. Жена у него большая модница и обожает дорогие туалеты. Не сомневаюсь, что он влез по уши в долги и решился на преступление именно из-за этой женщины.

— Вы не объяснили только одного, — сказал полковник, — где была лошадь?

— Ах, лошадь... Она убежала, и ее приютил один из ваших соседей. Думаю, мы должны проявить к нему снисхождение. Мы сейчас проезжаем Клэпем, не так ли? Значит, до вокзала Виктории минут десять. Если вы зайдете к нам выкурить сигару, полковник, я с удовольствием дополню свой рассказ интересующими вас подробностями.

СОДЕРЖАНИЕ

Серебряный. <i>Перевод Ю. Жуковой</i>	5
Картонная коробка. <i>Перевод В. Ашкенази</i>	34
Желтое лицо. <i>Перевод Н. Вольпин</i>	58
Приключения клерка. <i>Перевод В. Бабкова</i>	80
«Глория Скотт». <i>Перевод Г. Любимовой</i>	101
Обряд дома Месгрейвов. <i>Перевод Д. Лившиц</i>	122
Рейгетские сквайры. <i>Перевод К. Савельева</i>	145
Горбун. <i>Перевод К. Савельева</i>	168
Постоянный пациент. <i>Перевод К. Савельева</i>	189
Случай с переводчиком. <i>Перевод Н. Вольпин</i>	213
Морской договор. <i>Перевод К. Савельева</i>	236
Последнее дело Холмса. <i>Перевод Д. Лившиц</i>	277
О художнике этой книги: Сидни Эдуард Пэйджет	301